ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ЛИТЕРАТУРЕ ТРЕХ ЭПОХ

Кондратюк Е.И.

г. Калуга, МБОУ «СОШ № 13», 10 Б класс

Руководитель: Алехина Е.А., учитель русского языка и литературы, МБОУ «СОШ № 13», г. Калуга

Данная работа посвящена анализу изображения Петербурга писателями трех эпох, что является актуально в изучении этой темы. Интерес к этому городу не угасает практически с момента его возникновения. На это есть несколько причин. Во-первых, он является литературной столицей как Золотого (первая половина XIX века), так и Серебряного веков (начало XX-го). Во-вторых, этот удивительный город своей необычностью и противоречивостью всегда привлекал внимание писателей и художников. В произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, а также писателей рубежа XX-XXI веков Петербург является не только местом действия, но и равноправным действующим лицом. О том, что Петербург не просто географический объект писал еще Иннокентий Анненский: «Петра творенье» стало уже прекрасной легендой, и этот дивный град уже где-то над нами, с колоритом нежного и прекрасного воспоминания».

Цель исследования: рассмотреть особенности изображения Петербурга в литературе трех эпох. Реализации данной цели способствуют следующие задачи:

1.Проанализировать ключевые произведения писателей XVIII-XX веков, изображающие Петербург.

2. Выявить сходство и своеобразие трактовки данной темы разными авторами.

3.Определить основные художественные приемы в обрисовке города на Неве.

4.Проанализировать литературоведческие издания, посвященные данной теме.

Объект исследования: произведения Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А.А. Ахматовой, Т. Толстой, М. Веллера.

Предмет исследования: изображение Петербурга в литературе трех эпох.

Гипотеза: наряду с литературными традициями в обрисовке города выделяется индивидуальная трактовка этой темы мастерами разных эпох.

Методологической основой исследования явились труды отечественных литературоведов, посвященные особенностям изображения Петербурга. Был проведен анализ художественных произведений. В них был применен метод частичной выборки.

Ведущим методом является аналитический с его компонентами: наблюдением, обобщением.

Научная новизна работы заключается в том, что дан сравнительный анализ произведений классической и современной литературы, объединенных общей тематикой.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть полезны и интересны всем, кто занимается изысканиями в этой области. Их можно использовать на уроках литературы в школе и на факультативных занятиях.

Структура работы: состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы. Далее определяется объект, предмет, цель и задачи, обозначаются цель и задачи, методы исследования, научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Образ Петербурга в лирике Г.Р.Державина» проведен сравнительный анализ отдельных произведений писателя XVIII века, выявлено своеобразие трактовки данной темы.

Во второй главе сопоставляются мастера художественной прозы XIX века.

В третьей главе сопоставляются мастера художественной прозы XX века.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы выводы.

Глава I. Образ Петербурга в лирике Державина

У Державина не так много произведений, посвященных Петербургу. Однако, несмотря на это, читатель прекрасно понимает, что поэт пленен красотой развивающейся Северной Пальмиры. Его пышный слог пронизан полным восхищением столицей, которая хорошеет день ото дня. Автор прибегает к своеобразному приему описания Петербурга. Перед императрицей Екатериной Великой, плывущей по Неве, разворачивается величественная панорама города. «Суровый Ладогон» со снежно-блещущими власами повелевает своей дочери Неве «весть царицу в Понта двери».

Вижу, Севера столица,
Как цветник, меж рек цветет,-
В свете всех градов царица,
И её прекрасней нет!
Белт в безмолвии зеркало

Держит пред её лицом.
Чтобы прелестьми блистало
И вдали народам всем
Как румяный отблеск зарный.

Так писал он в произведении «Шествие по Волхову рос. Амфитриды». Далекий от жизненной правды, образ Северной Пальмиры включал лишь то, что могло послужить её прославлению. Однако этот образ был близок, понятен всем дышавшим крепким и бодрым воздухом России XVIII века, верившей в свои силы и умевшей заставить других поверить в себя. Северная Пальмира не была легендой; в молодой столице ощущалось великое будущее. Державин чужд той тревоги, которая охватит последующие поколения! Трагическая красота Петербурга ему непонятна. Все устойчиво и мирно.

Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал.

Это фрагмент из стихотворения Г.Р. Державина «Видение мурзы». Поэт описывает тихую ночь над Невой, которая величаво несет свои воды меж двух берегов, одетых в гранит. А днем на просторах её набережных радостно дышать весною в шумной толпе горожан:

По гранитному я берегу
Невскому гулять ходил;
Сладкую весеннюю негу,
Благовонный воздух пил;
Видел, как народ теснился
Вкруг одной младой черты.

В цитате из стихотворения «Явление Аполлона и Дафны на Невском берегу» для поэта не существует борьбы города и стихии. Наоборот, искусство и природа в согласии творят величественную красоту города.

Итак, для Державина Петербург – *это гордая столица молодой, полной энергии и сил Империи. Это город величаво простой, ясный, отмеченный изяществом вкуса строителей, город гармоничный, лишенный всякого трагизма.*

Всё творчество Державина оказало большое влияние на поэтов последующих эпох (прежде всего Батюшкова, Вяземского, Пушкина). Соединение торжественности и простоты создает мир сказочного великолепия в его стихах о Петербурге.

Глава II. Мастера художественной прозы и поэзии 19 века о Петербурге

2.1 А.С. Пушкин «Медный всадник»

Продолжает литературные традиции Г.Р. Державина его преемник А.С. Пушкин, которого тот благословил на поэтическое творчество еще в Лицее на публичном экзамене.

Образ города нашел свое глубокое отражение в поэме Пушкина «Медный всадник».

Она состоит из «Вступления», двух частей и заключения из 17 строк. Проблематика этого произведения многообразна: созидательное и «тираническое» начало в правлении Петра, взаимоотношения государственных и личных интересов. Поэма начинается с торжественного вступления. Оно необычно велико: составляет третью часть от всего произведения.

Унылым пейзажем открывается в нем тема Петра.

На берегу пустынных волн
Стоял *он,* дум великих полн,
И вдаль глядел…

Его Петр проницает пространство и время и, как могучий зодчий, строит « из тьмы лесов, из топи блат» – «юный град», ставший «окном в Европу», высящийся «неколебимо, как Россия»; в нем появится позже Медный всадник, навеки запечатлевший в граните и меди дело Петра**.** Как богато инструментует Пушкин свои стихи о городе. Автор использует цветообразы, соединяет в одном контексте одические слова и слова низкого ряда, рисуя архитектурные красоты Петербурга.

По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно- зелеными садами
Ее покрылись острова.

Далее звучит восторженное пушкинское признание в любви к этому городу:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее грант,
Твоих оград узор чугунный.
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады

Уже в этой поэме образ Петербурга двойственен: это столица российского самодержавия, «полнощных стран краса и диво», с его дворцами, садами, и одновременно – это город «бедного Евгения», город окраин, чердаков, ветхих домишек, «пожитков бледной нищеты». Также неоднозначен и образ его создателя Петра. Это – великий исторический деятель, «властелин судьбы» и вместе с тем «грозный царь», «горделивый истукан». Безжалостно уничтожает он

все, что стоит на его пути, бросается в погоню за чиновником Евгением, посмевшим погрозить ему от отчаяния кулаком: «Ужо тебе!..» Счастье и жизнь «маленького человека» разбита неудачным выбором места для новой столицы. Река Нева во время наводнения ведет себя как разбойник, уничтожающий все на своем пути:

Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервеняясь,
На город кинулась…

Так намеченный во вступлении контраст «общего» и «частного» усиливается, доводится до прямого столкновения. Петр, строя свой город, действовал во имя «общего». Но жизнь «бедного Евгения», потерявшего во время наводнения свою невесту, прошла «как сон пустой».

Евгений бесславно гибнет, «раздавленный» Медным всадником. Величие Петра остается для Пушкина незыблемым, но прогрессивный смысл его строительства оборачивается

гибелью «маленького человека», имеющего право на личное счастье. И это – одно из противоречий истории.

А.С. Пушкин – последний певец *светлой стороны* Петербурга, его «дневной» души. Весь образ Петербурга внушает спокойную, радостную веру в его будущее, охраняемое Медным всадником.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия….

2.2 Н.В. Гоголь «Невский проспект»

Пушкин восхищался Петербургом, как символом могущества, столицей великого государства. В этом значении Петербург был дорог и Гоголю. Но им обоим был чужд Петербург как столица «высшего лакейства». Гоголь продолжил пушкинскую традицию, но своеобразно, опираясь на свой личный опыт. Писатель задумался над горькой судьбой «маленьких людей», жителей чердаков и каморок и особенно ярко показал город контрастов в повести «Невский проспект». Гоголь создает образ центральной улицы Петербурга как некоего средоточия российской столицы, которая привлекает к себе людей разных сословий.

Сначала «улица-красавица» завораживает. Ничто не может устоять перед торжественным укладом жизни Невского проспекта – целого мира. Но какие контрасты можно наблюдать здесь в течение суток!

Рано **утром** «плетется нужный люд, иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу…» В **двенадцать часов** – это «педагогический» Невский проспект: на него делают «набеги» гувернеры всех наций со своими питомцами.

Совсем иначе выглядит «красавица нашей столицы», когда по нему разгуливает «ненужный» народ: « В это благословенное время **от 2-х до 3-х часов пополудни**, которое можно назваться движущеюся столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды. Четвертая пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый – перстень с талисманом…Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений.

Создатель! Какие странные характеры встречаются на Невском проспекте!» Восхищение автора блеском столицы – это **всего лишь ирония**, которая за внешним блеском открывает внутреннюю пустоту. Так вырастает у Гоголя образ города-хамелеона, который лишь притворяется благопристойным, а на деле страшен, загадочен, обманчив.

Люди, нравы, обычаи – на всем лежит отпечаток особой «физиогномии» Петербурга, в котором человеческие отношения искажены, потому что царит все показное, фальшивое.

Характерно, что Гоголь не только осваивал пушкинский образ Петербурга, но и **осваивал *пушкинскую метонимию.*** Главный герой пушкинской повести «Пиковая дама» Германн, вынашивая планы обретения тайны трех карт, скитается по улицам Петербурга. Однажды вечером он оказывается наблюдателем сцены съезда гостей к графине: «Улица была заставлена экипажами…Из карет поминутно вытягивалась то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара». Нетрудно заметить, что перед нами в миниатюре будущая гоголевская метонимия.

С четырех часов проспект пуст. Но как только «**сумерки** упадут на домы и улицы», настанет самое «таинственное» время, когда все здесь опять оживает. «Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых. В это время чувствуется какая-то цель.., шаги всех ускоряются и становятся вообще неровны». Из многообразной толпы автор выхватывает фигуры двух приятелей – художника Пискарева и поручика Пирогова. Их приключения и составляют сюжетную канву повести.

Краски Петербурга у Гоголя по преимуществу ***серы*,** однотонны, изредка мелькнет на фоне общего тусклого цвета какое-нибудь яркое пятно: красные рубахи

гребцов на Неве, которые видит Пискарев, или плащ незнакомки на Невском. Цвет пепельно-серый, иногда палевый, когда северное солнце коснется влажных стен домов. Это не радует Гоголя, уроженца юга, привыкшего к буйству красок. Удивительно и то, **что *автор не касается архитектурных красот города*,** так возвышенно описанных А.С. Пушкиным в «Медном всаднике».

Первый молодой человек, застенчивый и робкий, пребывал в плену романтических грез и плохо знал реальную жизнь. Красавица, пленившая его воображение, оказалась продажной женщиной. Потрясение, которое пережил восторженный мечтатель, решило его судьбу. Не в силах перенести крушение своей мечты бедный художник теряет рассудок и кончает жизнь самоубийством.

Поручик Пирогов – совсем иной человек. Ограниченный, наглый, самоуверенный, удачливый, он всегда находится в прекрасном расположении духа. Первоначально он оказывается почти в такой же ситуации, что и Пискарев. Знакомство с уличной красавицей, которая оказывается добродетельной женой « жестяных дел мастера с Мещанской улицы» Шиллера, заканчивается экзекуцией. Конечно, Пирогов оскорблен, но прогулка по Невскому его успокоила, а вечер, проведенный в гостях, примирил с крушением «мечты».

«Как странно играет нами судьба наша!» – заключает повествователь по завершении этих двух историй. А потому, считает он, не нужно верить Невскому проспекту, «где все дышит обманом»! Рассказчик закутывается « покрепче плащом своим» и старается «вовсе не глядеть на встречающиеся предметы», чтобы их ложный блеск не манил его своим обманным обликом.

И вот вывод, к которому приводит Гоголь читателя: какой же странный этот Петербург, ***город-хамелеон,*** в котором гибнет честный талант и преуспевает самодовольная пошлость. ***Темная ночь*** Петербурга погубила «маленького человека», поэтому автор стремится открыть читателям обман, предупредить и уберечь их от ошибки.

2.3 Ф.М. Достоевский «Подросток», «Белые ночи», « Преступление и наказание»

Ф.М. Достоевский всю свою творческую жизнь связал с Петербургом, его, по справедливому замечанию литературоведа Н.П. Анциферова, можно назвать писателем, которому свойственно «особое чувство города, ведома особая его красота». Она раскрывается не вдруг, потому что ощущается как видение. Писатель воспринял традиции своих великих предшественников: Пушкина и Гоголя – и тоже создал «петербургскую» повесть.

Достоевский неоднократно говорил, что Петербург, живущий призрачно фантастической жизнью, ему открыл Пушкин. В романе «Подросток» его герой Аркадий Долгорукий воспринимает Петербург через «Пиковую даму». Повесть Пушкина помогает понять бесчеловечность и фантастичность этого города. Аркадия мучит «греза»: а что, если все это, именуемое Петербургом, – не реальность, а призрак, и однажды город «поднимется с туманом и исчезнет как дым и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы бронзовый памятник на жарко дышащем коне?»

Этот грандиозный образ-символ – ***бронзовый «Медный всадник»*** посреди пустынного финского болота – как бы ***прорастал из пушкинского образа,*** созданного им в одноименной поэме. Несколько особняком в творчестве великого романиста стоит повесть «Белые ночи». Это в сущности большое стихотворение в прозе, посвященное мечтательству как образу жизни. Подзаголовок к произведению – *сентиментальный роман*, поэтому он построен в форме исповеди. Какая-то неудержимая сила влечет героя Достоевского к общению с городом, есть что-то андерсеновское в его дружбе с домом, который он одухотворяет: «*Когда я иду, каждый как будто забегает вперед меня на улицу, глядит на меня во все окна и чуть не говорит: «Здравствуйте; как ваше здоровье?»* Случайная встреча Мечтателя с Настенькой в одну из белых ночей наполнила его одинокую жизнь особым смыслом. «Влюбленная дружба» героя и девушки, их неспешные прогулки по городу, разговоры о жизни, мечты о будущем – такова волшебная ткань этой повести, такая же прозрачная и загадочная, как петербургская белая ночь. Его чувство к Настеньке бескорыстно и так же чисто, как эта ночь. Счастье героя так же призрачно, как красота петербургской природы: «Есть что-то неизъяснимо-трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные небом силы, опушится, разрядится». Мечтатель готов жертвовать всем, чтобы устроить счастье девушки. Она уходит с другим, а он снова одинок. Однако не сердится на Настеньку и благословляет своего доброго гения. **В этой повести создана удивительно светлая атмосфера, где герои мечтают о счастье, но оно так призрачно и фантастично, как сами эти странные ночи в городе на Неве.**

Петербург часто становится не только фоном для развития действия у Достоевского, но и героем его произведения. Отношение писателя к этому городу сложное, двойственное: он привязан к нему и в то же время считает его самым мрачным городом, поэтому город становится соучастником преступления в романе «Преступление и наказание». Самую главную характеристику городу дает герой этого произведения Свидригайлов: «Петербург – это город полусумасшедших… Редко где найдется столько мрачных, резких и страшных влияний на душу человека, как в Петербурге». Весь роман наполнен бесконечными уличными сценами и скандалами. В нем погибают люди: Мармеладов – под колесами коляски, Катерина Ивановна – от чахотки, процентщица Алена и ее сестра Лизавета от топора Раскольникова**.** В одну из слякотных петербургских ночей сводит счеты с жизнью Свидригайлов.

Не случайно в комнате, **похожей на шкаф**, в результате трагических обстоятельств окружающей действительности рождается страшная теория Родиона Раскольникова о **«праве на кровь»**. Совершив убийство, он постепенно чувствует свое отчуждение от людей, одиночество. «Разве я старушонку убил? Я себя убил…» – признается он Соне Мармеладовой. Муки совести, духовная опустошенность приводят его в конце концов к решению отдать себя в руки правосудия**.**

Достоевский одним из первых определил *желто-серый колорит* северной столицы: ярко-желтые домики; мучительный цвет желтого солнца; обои в комнатах Раскольникова, процентщицы, Сони; «бледно-желтое лицо» Родиона и «темно-желтые лица» Лужина, Порфирия Петровича. Этот цвет слишком резкий, усиливающий атмосферу нездоровья. Образ города создают и запахи: «духота…известка…пыль…особенно летняя вонь». Звуковой фон в романе служит дополнительным средством создания мрачного образа города: «беспрерывный стук…нытье…визги».

Можно утверждать, что *Петербург* не только фон повествования, но и *полноправный герой произведения.* Достоевский открыл в этом городе *незримый мир*, полный фантастики. Его предвосхитил еще Гоголь, увидевший не только красоту архитектурных ансамблей, но и петербургские окраины, безликие дома, грязные мостовые. Ведома его последователю Достоевскому и особая красота города – хрупкая душа весеннего Петербурга, когда *сливается воедино жизнь города с жизнью природы*. **Но Достоевский не отдался пушкинскому восторгу, он, как и его герой Раскольников, чувствует «необъяснимый холод» от великолепной панорамы Петербурга.**

У Достоевского Петербург – не Северная Пальмира Медного Всадника, а город «униженных и оскорбленных».

Глава III. Мастера художественной прозы и поэзии XX века о Петербурге

3.1 А.А. Блок

Миф о Петербурге расширил на рубеже Х1Х – XX веков свои границы: Петербург стал границей между двумя мирами. Таким увидели этот город деятели Серебряного века. Справедливы слова А. Белого: « С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический всадник, с той чреватой поры, как он бросил коня на финляндский серый гранит – надвое разделилась Россия». Никто из поэтов рубежа эпох не обошел в своем творчестве тему Петербурга. В творчестве А. Блока образ Петербурга один из самых интересных. Тем не менее в новых формах, в новой трактовке легко узнаются знакомые черты**: традиции Н. Гоголя, Ф. Достоевского**. У А. Блока отсутствуют стихотворения, которые полностью посвящены описанию самого города, характеристике отдельных мест. Мы часто можем встретить её **как место действия в лирическом отрывке**. И только иногда мелькнет какой-нибудь знакомый памятник Петербурга, чуть намеченный пером мастера:

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.

Поэт предпочитает говорить, не отмечая определенных мест. Зачастую вводится какой-нибудь мотив, характерный для города, потом он пропадает, а на его месте появляется описание уличной сцены, в завершении которой снова прозвучит знакомый образ. Так, например, введена в картину города ***синяя мгла.***

Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали…

Сжатые, мимолетные образы Петербурга рассеяны по всему творчеству Блока. Поэт хорошо знает свой город. Ему знакомы и зимние снежные ночи, и бледные зори. Все части города: его гавань, предместья, каналы – нашли отзвук в его стихах, обрели в его творчестве новую жизнь. Несмотря на все красоты города, на населении Петербурга лежит особая печать тревоги. Внимание А. Блока, как и Достоевского, обращено на *униженных и оскорбленных*, на тех, «чей самый сон проклятье», на согнутые тяжелой работой спины, на старух с клюкой, слепцов-нищих, покинутых детей, плачущего во дворе шарманщика.

Улица, улица…
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города – зимнего холода.

Образ смерти гуляет по его улицам, смерти – освободительницы.

Неудивительно, что два основных цвета в палитре Блока-художника – это *белый и черный*.

Богоматерь!
Для чего в мой *черный* город
Ты Младенца привела?

Далее *синий* всех оттенков, переходящий порой в серый. Это основной фон Петербурга, «где почивает синий мрак». На *мосту,* вблизи дремлющих *голубых кораблей,* в голубых снегах является «Незнакомка», упавшая с неба «яркая и тяжелая звезда». Целая поэма голубого цвета, и кажется, что самый Петербург, ставший призраком, колеблется, как тихое синее пламя. Однако А. Блок по-другому понимает этот цвет. По сине-серому тону прыгает кроваво-красный отсвет северных зорь.

Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.
Все окропило хмельное солнце.
Красный дворник плещет ведра
С *пьяно-алою* водой.

Постепенно город Петра наполняется фантастикой, почти *гоголевского* плана:

И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный *язык*.

Таким образом, опираясь на литературные традиции своих предшественников, **А. Блок** создает **оригинальный образ Петербурга** – города синего мрака и красных зорь, предвещающих в грядущем трагические дни.

3.2 А.А. Ахматова

В это же время появляется поэт, который ласково заглядывает в лицо обреченного на гибель города и с нежностью описывает его, сделав участником своей жизни. Это *Анна Ахматова*. У нее Петербург, как и у Блока, выступает в глубине поэтического образа, зачастую как *проникновенный свидетель поэмы влюбленных.* Петербург – фон, на котором **скользят тени любящих**, он сообщает строгость этой картине благодаря своему спокойному ритму. Личное переживание **сочетается с *определенными местами города:***

Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Образ города у Анны Ахматовой носит более определенный характер, чем у Блока. Поэтесса любит обозначать точное место действия. В её стихотворениях часто упоминаются разные уголки северной столицы.

… стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над *Летним садом*
Месяц розовый воскрес.
… … … … ... … … … …
Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,-
Над *Невою* темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра. («Вновь Исакий…» 1913)

Петербург стал неотъемлемой частью её души. Этот город утратил все свои скучные, отталкивающие и больные свойства, не ощущает Ахматова в нем и грозной сути, так терзавшей Н.Гоголя, Ф.М. Достоевского и других писателей. Петербург Ахматовой – город любви, соучастник ее переживаний.

Таким образом, несмотря на нечто общее с А. Блоком в изображении города, поэтесса не может быть отнесена к той же традиции. Ахматова так сильно **срослась со *своим* городом** и так прочувствовала его индивидуальность, что нашла для него слова, лучше которых трудно найти во всей богатой литературе, посвященной северной столице.

3.3 Татьяна Толстая «Река Оккервиль»

Образ Петербурга в прозе последнего десятилетия XX века занимает особое место. Свою страницу в «петербургский» текст вписала Татьяна Толстая в рассказе «Река Оккервиль». Главный герой ее произведения – немолодой одинокий Симеонов, для которого блаженством становится в холодный, сырой петербургский вечер запереться в своей комнате и извлечь из рваного, с пятнами конверта старый диск с романсами Веры Васильевны. Симеонову никто не нужен: ни любящая его Тамара, ни друзья, ни работа. Только бы слушать «тоскующий голос» певицы из прошлого. Мимо окон идут трамваи к конечной остановке с необыкновенным названием «Река Оккервиль». Это тоже созвучно его мечте: ведь он поселил в своем воображении на ее берегу молодую Веру Васильевну. Она своим обликом напоминает молодую Анну Ахматову в декорациях Петербурга Серебряного века: «Пусть идет она, натягивая длинную перчатку, по брусчатой мостовой, узко ставя ноги,…в маленькой круглой шляпке с вуалькой, сквозь притихшую морось петербургского утра, и туман по такому случаю подать голубой». Проза Татьяны Толстой

пронизана литературными традициями прошлого и нынешнего века. И мы угадываем в Симеонове **вечный образ «маленького человека» из русской литературы**, чем-то похожего на пушкинского Евгения, которого река разлучила с невестой; гоголевского Акакия Акакиевича с его невзрачной внешностью и Пискарева, мечтающего о высокой любви к незнакомке, на самом деле оказавшейся женщиной легкого поведения; есть в нем и беспомощность петербургского Мечтателя Ф.М.Достоевского. Татьяна Толстая приводит своего героя к трагическому разрушению мифа: Вера Васильевна жива, но живет не в Петербурге Серебряного века, а в Ленинграде, «в бедности и безобразии», к тому же она давно потеряла голос. Женский мир делится для Симеонова на реальный и неземной, рожденный во сне. Поэтому сотканной из петербургского тумана Вере Васильевне противопоставлена тихая земная Тамара. Ставшая реальностью толстая чернобровая старуха крушит нереальную красавицу. **Многие критики отмечали сказочность, метафоричность мира Толстой**. А эта особенность писательницы **роднит ее** с литературой Х1Х века, ее великими **предшественниками Гоголем и Достоевским**.

3.4 Михаил Веллер
«Легенды Невского проспекта»

«Это город-знак, город-текст, имеющий множество прочтений и толкований, может и вправду иметь не одно имя. Он вырос из каждого из них, перерос их. Например, самый центр – Санкт-Петербург, в черте Обводного канала это может быть Петербург, кольцо «рабочих окраин» – Петроград, а новые районы – Купчино, Гражданка и прочее – хоть Ленинград». Эти слова петербургского культуролога Г. Тульчинского в какой-то мере комментируют повесть М. Веллера «Легенды Невского проспекта». У Гоголя эта улица – «всеобщая коммуникация» Петербурга, а у Веллера – **это уже государство**: « Первая и славнейшая из улиц Российской империи, улица-символ, знак столичной касты…Невский проспект, сам по себе уже родина, государство и судьба, куда выходят в семнадцать приобщиться чего-то такого, что может быть только здесь, навести продуманный лоск на щенячью угловатость, как денди лондонский одет и наконец увидел свет…усвоить моду и манеру, познакомиться, светский андеграунд, кино-театр-магазин-новости-связи-товар-деньги-товар-лица и прочие части тела, кофе и колесико, джинсы и игла, – короче, Невский, естественно, имеет собственный язык, собственный закон, собственную историю, собственных подданных и собственный фольклор». Ленинград у Веллера также фантастичен, как и у Достоевского, несмотря на то, что герои его рассказов – люди известные. И хотя у автора не встретишь описания петербургских красот, тем не менее город предстает перед нами в реалиях быта, в духе времени. Основа поэтики Веллера – случай, анекдот. Это видно по названию главок-рассказов: «Легенда о заблудшем патриоте», «Легенда о морском параде», «Байки скорой помощи». В заключительной главе автор пишет о своих ощущениях от нового и старого города на Неве: «Я никогда не вернусь в Ленинград. Его больше не существует. Истаивает, растворяется серый морок, и грязь стекает на стены дворцов и листы истеричных газет. В этом тумане мы угадывали пространство своей жизни, просчитывали и верили, торили путь, разбивали морды о граниты; и были, конечно, счастливы, как были счастливы в свой срок все живущие…А хорошее было слово: над синью гранитных вод, над зеленью в чугунных узорах – золотой чеканный шпиль: Ленинград. Город-призрак, город-миф – он еще владеет нашей памятью и переживет ее…» **Так соединяется прошлое и настоящее, век Х1Х и век ХХ, звучат пушкинские и гоголевские мотивы в прозе М. Веллера**. Конечно же, рассказы Т. Толстой и М. Веллера не исчерпывают «петербургский текст» конца ХХ века. Публикуются новые сборники произведений, посвященных городу на Неве. И у каждого писателя будет «свой» Петербург, но останется общее, что их объединяет: неизменная любовь к таинственному, самому фантастическому городу в мире.

Заключение

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам:

1. К. Чуковский очень точно определил Петербург как «самый лирический город в России», город, в котором «каждый закоулок – цитата из Пушкина, Достоевского, Блока». Этот город, действительно, «над временем», он прочно вписался в историю и культуру России, отражен в творчестве мастеров разных эпох и литературных направлений.

2. Одним из интересных художественных приемов, рисующих облик Петербурга в разные эпохи, является **цветопись**. Это прежде всего контрастные тона: белый, божественный цвет, и черный как цвет разрушающей тьмы. Далее можно выделить разные оттенки синего и серого, олицетворяющие тайну, мечту, призрачность города. И два ярких – желтый и красный, несущие тревогу, болезненность, предвещающие трагедию в жизни героев.

3. Интересно обыгрывается А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем прием **метонимии** (замена одного слова другим на основе смежности двух понятий), который помогает создать выразительный портрет показного великолепия жителей города в XIX веке.

4. Каждая эпоха создает **свой образ** Петербурга. Он и место действия литературных произведений, и герой этих произведений. Прослеживаются литературные **традиции**, показывающие **двойственность**, противоречивость этого города. Вместе с тем каждый век рисует свою картину Петербурга, и это можно представить в виде такой **таблицы:**

XVIII век Державин	XIX век	XX век
Светлый,«**дневной**», **торжественный** образ города, созданного гением Петра	**Пушкин –** неоднозначная трактовка: **город пышный**, **город бедный**, где страдает «маленький человек»	**Блок и Ахматова – свидетель** поэмы **влюбленных,** но на его жителях лежит **печать тревоги**
	Гоголь – «темная ночь» **города- «хамелеона»** губит «маленького человека»	**Толстая** подчеркивает **призрачность и театральность** города
	Достоевский – таинственный, нереальный город, где погибает творческая личность и торжествует пошлость	**Веллер** видит в нем **город-государство**, имеющий много имен и толкований

Список литературы

1. Ахматова А.А. Стихи о Петербурге.- СПб., 2002.

2. Блок А.А. Город мой. Стихи о Петербурге – СПб.,1987.

3. Веллер М. Легенды Невского проспекта – СПб., 1994.

4. Гоголь Н.В. Повести. – М.: Худож. лит, 1979.

5. Достоевский Ф.М. Избранное – М.: Худож. лит., 1983.

6. Державин Г.Р. Лирика – М.: Худож.лит., 1989.

7. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х томах.Т.2.Поэмы – М.: Худож.лит., 1986.

8. Толстая Т.Н. Река. – М.:Эксмо, 2007.

9. Анциферов Н.П. «Непостижимый город» (Сборник). СПб.: Лениздат, 1991.

10. Гроссман Л.П. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 1973.

11. Долгополов Л.К. На рубеже эпох. – Л., 1983.

12. Лотман Ю.М. Метафизика Петербурга. – СПб., 1993.

13. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – М.,1978.

14. Отрадин М.В. Петербург в русской поэзии. – Л., 1983.

15. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». – М.: Прогресс, 1995.

16. Федоров В.И. Русская литература XVIII века. – М., 1990.